

Комментарий без грифа Секретно

[Айдын Гударзи-Наджафов](#)

*Интернет-сайт ИНСТИТУТ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ
Газета «Новости Узбекистана», май 2006*

Очерк включен в учебное пособие МГИМО, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (События и документы, Москва -2011)

АНДИЖАН, МАЙ 2005 – 2006

Часть первая

Способность оставаться невидимыми, обеспечивая национальную безопасность государства, – не только залог успеха в деятельности спецслужб любой страны мира, но и уровень квалификации, профессионализма.

Но в этом есть некая несправедливость: чем выше этот уровень, тем меньше общество знает о тех, кому обязано спокойствием в своей жизнедеятельности. Конечно же, в этой несправедливости есть исключения. Они ломают принцип секретности в деятельности спецслужб. Периодически и, как правило, только через десятилетия, общество относительно подробно узнает биографии представителей невидимого фронта, совершивших головокружительные комбинации для получения закрытой информации на территории другого государства или разрушения многоходовых операций противника на территории своей родины.

Подобные откровения никому не вредят из-за давности лет, но даже при этом правда, звучащая в них, должна быть выверена до запятой. В этих практически общих для всех спецслужб мира, но далеко не всех перечисленных условиях существуют и исключения. Они связаны с необходимостью доводить до социума правду, которая не имеет права на многие годы оставаться покрытой завесой секретности. Но говорить о правде подобного рода следует еще и потому, что ее отсутствие заполняется ложью, и заполняется теми, кто в этой лжи заинтересован.

Для меня как публициста, исследующего проблемы экстремизма и терроризма, подобным исключением стала возможность понять то, что подразумевала цитата, прочитанная мной в одном из следственных материалов уголовных дел, проводимых правоохранительными органами Республики Узбекистан, связанных с событиями в Андижане 12 – 13 мая 2005 года: «Боевики-акрамысты превосходящими силами пытались захватить территорию Управления Службы национальной безопасности Андижанской области, которую в течение нескольких часов обороняли ее сотрудники».

Этот факт, полностью не комментируемый ни в одном из отечественных или зарубежных СМИ, стал отправной точкой в поиске собственных ответов на многие и многие вопросы. И вот почему. Если быть точным до конца, то в ряде электронных СМИ были не более чем штрихи, зачастую не соответствующие истине. По содержанию они напоминали желтую «отрыжку» политизированных журналистов из числа тех, кто славился умением раньше всех прокомментировать любой эпизод из узбекистанской действительности. Да так, чтобы колючки их комплексующей харизмы были видны именно за пределами республики. В одной из своих статей один подобный автор уточнил:

«Напомню то, о чем писал вскоре после андижанских событий: за шесть часов, прошедших со времени первого нападения боевиков на сотрудников милиции и до захвата ими комплекса здания областной администрации, ни одно силовое подразделение МВД или СНБ не покинуло мест расположения с целью нейтрализации вооруженной группы». (Интернет-сайт Фергана.Ру, 16 мая 2005 года).

Фирменно исполненная «отрыжка» на любимую им тему «все у нас не то, и все у нас не те», как всегда, предназначалась отечественной и не отечественной медиа-аудитории, владеющей доступом к Интернету. Но его не вызвал у узбекистанцев осязаемого интереса, чего не скажешь о западных любителях и ценителях подобных информационных изысков. Тех, которые публично сожалеют, что подобной информационной экзотики, в количественном отношении определяющей в их же представлениях уровень свободы слова, в республике все же мало. Но не уточнявших, что подобные изыски были им крайне необходимы для отвлечения гражданского общества Республики Узбекистан от подготовки проведения над ним регионального политического эксперимента, подобного тому, который был осуществлен незадолго до «андижанского мая» в Кыргызстане 24 марта 2005 года.

Характерно, что в Кыргызстане этот эксперимент, по мнению бывшего министра иностранных дел Кыргызской Республики и бывшего посла в США и Великобритании Розы Отунбаевой, «изменил не многое» (Интернет-сайт «Голос Америки» 03.04.2006).

И если бы на то была воля политическая, считает она, то можно было бы много сделать за год: «Но, видимо, жизнь такая вязкая, силы старого настолько сильны и денежны, что даже те, кто организовал белошапочников (читай: исламистов – прим. авт.) на площади, элементарно откупились и сегодня сидят на своих же местах».

24 марта Указом Президента Республики Кыргызстан считается государственным праздником. Праздник без официального упоминания многих и многих пикантных уточнений о рядовых исполнителях – экзальтированных, религиозно-криминальных элементах, в представлениях о демократии мало чем отличающихся от тех, кто 13 мая 2005 года штурмовал территорию Управления Службы национальной безопасности Андижанской области, которую в течение нескольких часов обороняли ее сотрудники.

Для сотрудников Управления воспоминания о ночных часах с 12 на 13 мая очерчены и не очерчены грохотом автоматных выстрелов. Одни, услышав их, сразу поняли: в городе происходит нечто исключительное. Другие не слышали их, находясь по месту проживания за много километров от города.

Но все как один после оповещения в ту ночь действовали так, как делали это сотни раз в ходе проводимых учений, мгновенно осознав не комментируемый приказ: «Прибыть по тревоге к месту службы». Короткий сбор, фокусирующий на постоянно подготовленном «тревожном чемоданчике», и наступление той единственно спокойной неуставной минуты, в течение которой происходит самое трудное – прощание с теми, кто искренней человеческой любовью связал свою судьбу с судьбой военного человека. Но та ночь, 13 мая, была особенной и не похожей на другие: никто из остающихся дома или переступающих его порог уже не имел гарантий встретиться вновь.

Андижанская ночь 13 мая 2005 года. Она по-разному встречала тех, кто шел исполнять свой воинский и гражданский долг. Для одних ночная мгла рассекалась тревожными взглядами случайных прохожих и водителей такси, взволнованно рассказывающих о

группах вооруженных лиц, которые стали появляться на некоторых улицах города. Для других ночь обрела гнетущую реальность после окриков вооруженных боевиков, в эйфории безнаказанности стрелявших в любого, кто не подчинялся их требованиям остановиться. Некоторые из сотрудников останавливались, не ведая, как неоднозначно сложится их судьба. Останавливались не из страха. В силу своего характера, не позволяющего пройти мимо тех, кто одним наличием оружия в руках представлял опасность для общества. Останавливались, превращаясь из движущейся мишени в заложников вооруженных боевиков, не поддающихся убеждениям разоружиться и прекратить ночную вакханалию. Вакханалию, которая с первых часов ее начала уже имела нарастающую статистику гибели милиционеров, военнослужащих, государственных служащих и мирных граждан.

Была статистика и тех, кого, если и не убивали при исполнении служебных обязанностей, то отправляли для дальнейшей зверской расправы в здание Андижанского областного хокимията (мэрии), захваченного боевиками. И было во всем этом что-то от средневекового варварства. В течение дня 13 мая, да и после этой даты, квалифицированного западными журналистами, политтехнологами и политиками «протестными акциями», – в котором опекаемые ими варвары с не меньшей долей политического цинизма были именованы «повстанцами».

Позже сами андижанцы, и не только те, чьи близкие и родные погибли от рук варваров, в беседе со мной выражали неподдельное удивление уровню их звериной ненависти ко всему, что было связано с понятием «Закон» и «светское развитие человеческой личности». Не говоря уже о ненависти варваров к тем, кто верой и правдой служил обеспечению безопасности государства.

Многие из собеседников удивляясь, упрекали себя и за гражданское равнодушие к процессу развития исламистских тенденций в среде мусульман Андижана. Это было ощутимо в беседах со многими, с кем мне пришлось беседовать в городе год спустя после 13 мая 2005 года.

И можно только представить, какой душевный дискомфорт испытывали некоторые из собеседников, когда в нашей беседе я спрашивал их, «не высока ли цена запоздалого удивления и гражданского равнодушия, итогом которой стала гибель людей, погибших от рук варваров в течение всех суток 13 мая?».

Спрашивал оттого, что не мог избавиться от ощущения собственной гражданской вины перед андижанцами, чьи близкие погибли 13 мая, в том числе перед отцом и матерью спецназовца Отабека К. В ту ночь, узнав, что происходит в городе, и направляясь в расположение своей части, он, безоружный, подошел к вооруженным варварам, надеясь убедить их добровольно разоружиться.

За несколько часов до начала этой драмы рослый и физически крепкий любимец махалли, в которой жил с рождения, рассказывал в своем доме сидящим напротив него соседским подросткам, почему добро выше зла. Рассказывал, не ведая того, что после 13 мая станет для них пожизненным символом человеческого добра, сумевшего опрокинуть зло в небытие бесславия. Его шестидесятилетний отец Иброхим-ака не мог говорить о погибшем сыне. А я не смел тревожить молчаливую скорбь десятком вопросов о последних днях жизни Отабека. Только срывающимся от волнения голосом отозвался на его просьбу рассказать людям, не обделяя вниманием ни живых, ни погибших обо всех, кто защищал Узбекистан от мракобесов в мае 2005 года.

На мой вопрос, «позволил бы он много лет назад стать Отабеку профессиональным военным, если бы волею Бога, глазами провидца разглядел его гибель?», старик, не задумываясь, ответил со слезами в голосе «Да!».

Немного помолчав, ответил и на мой второй вопрос: «Вы спрашиваете, что бы я сегодня сказал убийцам сына? Уже ничего. Я их давно проклял – презрением. Проклял сердцем и от имени всех родных тех, что погибли, защищая людей от вооруженных мракобесов. Я не призывал в свидетели Аллаха, проклиная их. Надеюсь, Аллах сам выберет достойную кару преступникам, слыша голос народа».

Слушая мужа, в знак согласия с ним, кивнула головой и мать погибшего Отабека. Простая сельская женщина, состарившаяся в одночасье, после того как в их дом пришла страшная весть о гибели сына. Женщина простая до такой степени, что, наверняка, не поняла бы лицемерие журналистов, опубликовавших на Интернет-сайте «Арена» оплаченный тенденциозный комментарий по поводу награждения группы военнослужащих орденами и медалями Республики Узбекистан, в том числе погибших, за героизм, проявленный в противостоянии экстремистам в Андижане 13 мая 2005 года.

Но у меня нет сомнения, что эта простая сельская женщина понимает горе таких же как она матерей, похоронивших своих детей-воинов в землях других стран, знает вкус горечи их слез. Горечь, оправданную только одним, – необходимостью защиты современной цивилизации от экстремизма и терроризма. А они, матери других стран, поняли бы порыв любой матери-узбечки в их желании заглянуть в глаза тем, кто в политических целях оправдывает убийц-боевиков блудливыми рассуждениями о демократии, толерантности и правах человека.

О том, что происходило с Отабеком ночью 13 мая после того, как он, не смея беспокоить сон родителей и близких, вышел из дома в 3.30 ночи, мне рассказали не его родители, а сослуживцы. Рассказывали, как он вышел из дома и вернулся, чтобы положить в карман свое служебное удостоверение. Слушая их, я думал, что лучше бы в ту ночь он оставил его дома. Мне не стыдно за этот вариант спасения его жизни. Не стыдно оттого, что в этом был шанс сохранить жизнь. Но видно Богу было угодно явить его примером посмертного символа мужества и отваги – пусть люди, помня его, помнят и о том, что цена мирной жизни не бывает без жертв тех, кто обеспечивает ее безопасность.

При том, что и его сослуживцам трудно найти ответ на многие вопросы, связанные с его перемещением из сельского дома в Андижан, им доподлинно известно, что он на попутной машине добирался до города, где его и взяли в заложники. Известно в подробностях и то, как над ним издевались варвары в здании хокимията Андижанской области.

Той ночью на одной из улиц Андижана бандиты, повалив на землю Отабека, отобрали у него документы. Так, узнав кто перед ними, заликовали, словно осилили огромную армию. Какими словами он их проклинал за торжество над своим вынужденным физическим бессилием, и что думал уже не ощущавший боли от наносимых ему ударов, знает только Бог. И только Бог знает, как раздражал этот солдат своих врагов. Раздражал не только высоким уровнем духа воина, но и тем, что даже под пытками не выдал нужную информацию. Ту, которая очень помогла бы другой группе варваров, штурмовавших в те же часы ночи 13 мая территорию Управления Службы национальной безопасности Андижанской области.

Звериная злоба варваров росла по мере того, как гасла их уверенность в успехе захвата

именно этой территории. Победа над ее защитниками была нужна еще и потому, что символизировала в их понимании победу над светской Конституционной властью. Не говоря уже о том, что эта победа открывала дорогу к халифатовской государственности, о которой они имели ровно столько же представления, сколько это позволял их узкоутилитарный уровень развития.

Уровень, не позволяющий им объяснить свою позицию открыто, а не таиться в андижанском подполье. И, тем более, ответить не то что на общечеловеческие вопросы, но и на самый простой теологический вопрос: вправе ли был их лидер движения Акрам Юлдашев, не являясь ученым богословом, и шейхом, провозглашать через своего ученика и лидера-боевиков Кабула Парпиева фетву «Саф сурасы» (сура Ряды), ту, что входит в противоречие с религиозной этикой?

Фрагмент из фетвы Акрама Юлдашева: «Кто любит Аллаха и Его Пророка, кто любит лидера, ведущего этим путем, ответственного над всеми, это руководство (фетва –прим. авт.) является обращением ко всем его сторонникам». Себя он уподобил Исе, обращающемуся к апостолам.

Псевдо-«апостолы» застрелили и наспех закопали Отабека. Не буду описывать детали патологоанатомического заключения, прочитанного мной в материалах уголовного дела, лишь уточню – я сомневаюсь в том, что варвары способны вообще оценить понятие ГУМАННОСТЬ. В решениях Верховного суда Республики по андижанским событиям нет ни одного смертного приговора преступникам.

Сомневаюсь я и в их оценке ГУМАННОСТИ, проявленной к ним и со стороны родителей, и родственников тех, кого варвары убивали 13 мая. Ни один из родственников погибших не опротестовал судебные решения. И так хочется думать, что делали это не из желания пачкать их присутствием, нет, не рай, ад.

Пишу об этом потому, что мне более понятно отношение правовых систем других стран, адекватно реагирующих на аналогичные преступления смертными приговорами. Пишу об этом и оттого, что представляю, какой вал тенденциозных комментариев обрушился бы на Республику, если бы суд вынес хоть одно решение со смертными приговором.

Но если быть точным, фокусируясь на теме противостояния терроризму и полноценного использования всех имеющихся средств, методов и законов, не подвергая сомнению, что 13 мая в Андижане действовали боевики-экстремисты, представляющие движение «Акрамия» (религиозно-политический лидер Акрам Юлдашев, военный лидер Кабул Парпиев) и Исламского движения Узбекистана (Тахир Юлдашев), то все же следует привести несколько цитат из не единичного по своей смысловой направленности выступления Эндрю Маккарти, американского ученого из Фонда защиты демократии.

Они прозвучали в феврале 2006 года в его выступлении в вашингтонском Институте американского предпринимательства (American Enterprise Institute) на Конференции, посвященной юридическим проблемам противостояния терроризму:

«Новые законы в духе современного международного права, которое пренебрегает законами войны, будут неизбежно направлены не на защиту гражданского населения, на вооружение террористов дополнительными правами».

Еще один важный вывод ученого. Он убежден, что в войне с террором соображения национальной безопасности важнее юридических соображений. По его же мнению,

новейшее международное право склонно игнорировать суверенность государств и их право на самооборону, при том что соображения национальной безопасности в войне с террором все же должны доминировать над юридическими соображениями.

Но вернемся к тем, с кем мне пришлось встретиться в Андижане через год после трагедии 13 мая 2005 года в поисках ответа на вопрос, что происходило в течение долгих часов вокруг Управления Службы национальной безопасности Андижанской области, которую в течение нескольких часов обороняли те, кого гражданское общество совершенно не знает, но кому обязано своей безопасностью.

До 17 мая родители Отабека были уверены, что сын находится в расположении своей части. Забеспокоились, когда в их дом вошла соседка по махалле и с трудом произнесла: «13 мая в Андижане было неспокойно. Много стреляли. Кажется, среди погибших я видела вашего сына, они лежали у здания хокимията».

Отабека хоронили всей махаллей. В Узбекистане люди хоронят тех, кого любят, именно так, неподдельно разделяя горе семьи. Для нормальных людей это естественно – люди махалли потеряли дорогого для себя человека, ближайшие родственники сына, брата, мужа и отца. Родина – достойного гражданина и смелого воина. Последнее было важно и потому, что воин при жизни охранял покой людей, отзываясь на любую несправедливость, творимую с людьми.

На похоронах Иброхим-ака произнес то, что поразило тех, кто слышал его слова: «Если младший брат Отабека пошел бы сегодня по его жизненному пути и стал защитником родины, я бы не противился его решению. Это честь для нашей семьи».

Эти слова он произнес без пафоса, шепотом, лаская пальцами фотографию сына. Единственную, где сын изображен в военной форме.

Может оттого именно эти слова и запомнились людям, перечеркивая ложь, распространяемую теми, кто искажал, да и сейчас искажает правду об Андижане.

Не знаю, слышал ли эту ложь один из братьев религиозного лидера боевиков Акрама Юлдашева, с которым мне довелось говорить в Андижане в конце марта 2006 года, могу лишь пересказать его слова:

«Я никогда не разделял взглядов Акрама. Происшедшее нельзя было допускать, ни под каким предлогом. Сегодня мне трудно быть среди своих земляков – андижанцев. Иду по улицам города, и мне кажется, что люди зная, что я его брат, смотрят сквозь меня, словно меня нет среди них. Уж лучше бы проклинали вслух. Мне, да и не только мне, надо пережить это. После 13 мая люди имеют право на многое».

Слушая, и не сомневаясь в его искренности, я думал об уровне цинизма политического совета ассоциации «Матери против насилия» (The Mothers against violence), именно в эти дни планировавшего за «тридцать земель» от Андижана политическую провокацию: проведение 13 – 14 мая 2006 года в бельгийских городах Генк и Хассельт экспозицию фотографий «Андижан в крови».

Провокация, которая оскорбительна в отношении людей, потерявших своих близких от рук террористов, и унижительна для социума, к сожалению, не научившегося в Узбекистане публично выражать протест подобным провокациям в Европе.

И можно только представить с каким энтузиазмом восприняли эту новость после ее появления на Интернет-сайтах те из боевиков, которые оказались за рубежом в статусе беженцев, которым их летом 2005 года любезно обеспечило Управление по делам беженцев ООН при поддержке других не менее высокого уровня международных организаций, беспрецедентно шельмующих андижанскую правду о трагедии 13 мая 2005 года.

Боевики-беженцы должным образом давно все оценили еще до 13 мая 2006 года. А после этой даты оценят и то, что экспозиция будет демонстрироваться в Бельгии без комментария тысячи невыгодных для них и их политических покровителей уточнений, и одной важной детали. И у меня нет сомнения, что на демонстрируемых фотоснимках не будут те из людей, кого варвары терзали и убивали, в том числе за верность воинской Присяге.

Успокаивает одно – в историю общества, редакция сайта «Арена» вписана не будет. А если и помянут ее и иже с ней, то скорее как дурной пример нарушения общечеловеческой этики.

И чего уж говорить о том, что в той редакционной статье, военнослужащим, живым и погибшим приписывалось то, чего вершили на улицах города не они, а те, кто устраивал в Андижане свою дикую вакханалию. Вакханалию, подробности которой члены редакции сайта «Арена» хорошо знали, но вряд ли когда-нибудь решатся придать широкой огласке.

К примеру, о том, что в холле второго этажа здания хокимията за корчившимися на полу истерзанными военными, милиционерами и гражданскими лицами ухаживал старик-заложник, который давал по глотку воды всем, кто еще в состоянии был ее просить, перевязывал раны многим из тех, кого боевики позже расстреляли как ненужную обузу.

Кто он, этот старик? И остался ли в живых, – мне сказать трудно. Весной 2006 года в беседе со мной о нем упоминали только два андижанских собеседника из общего числа заложников, оставшихся в живых, и далеко не из их чувства жалости к ним боевиков.

Часть вторая

Напомню еще раз о том, что хроника нападения на Управление Службы национальной безопасности (далее – УСНБ. – прим. авт.) Андижанской области и осада его территории, совершенного боевиками-исламистами в Андижане 13 мая, не комментировалась ни в одном из информационных блоков международных СМИ.

Они же не упоминали этот факт и в последующие дни, когда события 13 мая взхлеб и вразнос еще преподносились международной общественности в формате «политической сенсации номер один из Центральной Азии». Не делали каких-либо комментариев по факту нападения на УСНБ и политики самого высокого уровня из зарубежных государств или международных неправительственных организаций. Впрочем, как и зарубежные политологи.

Напоминаю об этом с обязательной оговоркой: редким исключением, характеризующимся высоким уровнем цинизма и беспринципности, стали два доклада. Они практически одновременно появились в кабинетах западных политиков, соответственно и в Интернет-пространстве в июне 2005 года.

Авторы докладов – юридически и финансово невзаимосвязанные между собой

международные организации Хьюман Райтс Вотч (далее ХРВ) и Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (далее БДИПЧ/ОБСЕ). Характерная особенность, которая не может не обратить на себя внимание, – при невзаимосвязи организаций в их докладах масса ошутимого единодушия в выборе стиля изложения и подтекстов, фокусирующихся на формировании нужного уровня негативного мнения о качестве следственных действий Генеральной Прокуратуры, и безапелляционного отрицания всех ее выводов.

Взамен авторы докладов предлагали не менее единодушное выпячивание собственных претензионных рекомендаций элите международного сообщества – провести «независимое международное расследование» силами «привлеченных квалифицированных экспертов» и безоговорочное признание их выводов.

По сути, июньские доклады отражали давно ошутимые тенденциозно-предвзятые настроения части западной политической элиты. Той, что не жалеет финансовых средств на своих спутников, вкупе с ними «рвущих животы» на поприще тиражирования тенденциозных выводов и оценок, ориентированных на подрыв доверия не только к государственным институтам власти, но и структурам, обеспечивающим общественный порядок, контроль и исполнение законов, оборону и национальную безопасность Республики Узбекистан.

Справедливости ради следует уточнить – не все на Западе разделяли и разделяют уместность подобной тактики, принявшей после 13 мая 2005 года форму откровенной политической травли Узбекистана. И можно только сожалеть, что эти трезвые рассуждения забиваются хором элитарных «ястребов демократии». Тех, которые с оглядкой на уровень своего политического рейтинга, задают своим птенцам-выкормышам нужную тональность «верещания» в медиа-пространстве. Кстати, крайне необходимого и для оправдания перед западными избирателями-налогоплательщиками многих и многих дорогостоящих шагов. Жаль только, что по геополитическому пространству Центральной Азии «ястребы» движутся «пятками вперед».

Тактика подобного передвижения скорее поощряет перспективы мрачного общественно-политического хаоса, и гражданской войны, в которой центральноазиатские радикалы-фанатики и иже с ними иначе как политические и управляемые союзники квалифицироваться не могут.

Считать, что пожелания «ястребов» не ориентируют и ХРВ, и не курируют структуры других международных организаций более высокого политического и финансового уровня, могут только наивные. Особенно в представлениях о практике влияния и откровенного давления «ястребов» даже на именитых политиков, не говоря уже о понукании политиков рангом поменьше, соответственно и «послабше».

Во всяком случае, мне трудно отрицать, что и последний апрельский (2006 г.) доклад БДИПЧ/ОБСЕ, не учитывая, мягко говоря, пожелания «ястребов демократии», скорее заинтересованных в отвлечении международной общественности, нежели в ее информированности по ряду корневых вопросов. Ответы на них позволяют пересмотреть навязанные комментарии и оценки андижанских событий.

Самый простой из этих вопросов:

Почему действия боевиков, исполнителей вооруженной акции 13 мая при всей прозрачности фактов были публично квалифицированы дилетантами, а не

профессиональными экспертами из числа военных, практиков, следователей-криминалистов и экспертов по террористологии [террорологии. – ИРП]?

Тех, кто готов выполнить свой долг перед международным сообществом не под политический заказ, а в силу профессионального долга давать реальные оценки проблемам и рискам, созданным современными практиками терроризма и идеологии крайне радикальной трактовки современного развития исламской религии. В которых, кстати, ненависть к светскому исламу, базовым понятиям о правах человека и принципам демократии можно не увидеть или не комментировать только от большого желания или дилетантства.

И последнее. Почему работа этой категории профессиональных экспертов, инициируемая не Республикой, была дважды сорвана (осень 2005 и лето 2006 гг.) именно «ястребами» и членами их стаи. Уточню – официальные круги Республики с интересом отнеслись к предложению посещения Узбекистана именно профессионалами, и именно это вызывало крайнее и неудивительное беспокойство на Западе.

Не оттого ли беспокоилась стая, что дважды возможная публичная огласка изученных фактов, реальные мнения профессионалов и их контакт с коллегами из Узбекистана могли обрушить политический каркас тенденциозных комментариев и амбициозных рекомендаций, обеспечивших летом 2005 года преступникам перспективный статус беженцев?

Исключить положительный ответ, согласитесь, сложно.

Но даже при этих и далеко не всех перечисленных условиях невозможно не признать: одна из задач, которая ставилась редакторам из ХРВ и БДИПЧ/ОБСЕ, было ретуширование важных подробностей из фактов андижанских событий 13 мая, в том числе и многочасового вооруженного штурма здания и территории УСНБ. Не вдаваясь в пересказ уже известных оценок, отраженных в официальных хрониках Генеральной Прокуратуры Республики Узбекистан и статистику жертв среди контингента военнослужащих и сотрудников МВД, уровня вооружения боевиков, дополненного захваченным оружием, только кратко напомним, что происходило в Андижане в первые ночные часы 13 мая.

Примерно «с 12 на 13 мая, около 00.30 часов» (из текста Генеральной Прокуратуры Республики) группа вооруженных лиц проникла в расположение батальона патрульно-постовой службы. После вскрытия оружейных арсеналов нападавшие завладели определенным числом автоматов, пистолетов и гранат. После этого примерно в 01.30 часов было совершено нападение на воинскую часть. Из ее оружейных арсеналов были изъяты автоматы, два ручных пулемета и гранаты. Для осуществления третьей акции вооруженная группа захватила автомашину ЗИЛ-130. При нападении на тюрьму автомашина была использована для тарана ворот. В результате нападения на объект были выпущены из камер заключенные следственного изолятора, часть которых примкнула к основному составу вооруженной группы. Далее уже сформированная группа в относительно организованном порядке начала движение по улице Навои, на которой и расположено здание УСНБ».

Здесь мне придется обратиться к одной из дезориентирующих медиа-аудиторию цитат из «Краткого содержания» доклада ХРВ: «События 13 мая начались с необычно массового для Узбекистана митинга протеста на площади Бабура в Андижане...».

Характерно, что редакторы доклада, зная все подробности из ночных «акций группы вооруженных боевиков» (редкая формулировка для ХРВ), при составлении своего текста все же не решились полностью проигнорировать факт нападения и штурма УСНБ. Оттого, (и совершенно не из желания полноценно осветить истину) в доклад был включен небольшой по объему текст, скромно озаглавленный ХРВ «Перестрелка у здания УСНБ».

Его традиционно витиеватое содержание основано на показаниях только шести безымянных респондентов из числа (по тексту доклада) «более 50 человек», отобранных для интервью «исследовательской группой ХРВ/HRW» на территории палаточного лагеря так называемых «беженцев из Узбекистана», организованного после 14 мая в Сузакском районе Южного Кыргызстана. О полноценности высказанного респондентами, естественно, не заинтересованными в качественном изложении того, что на самом деле происходило ночью у здания и вокруг территории УСНБ, можно судить по некоторым ниже приведенным фрагментам из доклада ХРВ:

«Нападавшие и люди, освобожденные из тюрьмы, направились к хокимияту, расположенному примерно в 6 км от тюрьмы... Большинству нападавших все же удалось добраться до хокимията и в итоге захватить здание, в котором ночью находился всего один охранник... Вторая перестрелка произошла в тот момент, когда нападавшие проезжали мимо здания УСНБ».

Содержание только этих цитат наполнено массой особенностей, не подчеркнутых их авторами. В одну из них трудно поверить, что несколько сотен человек в течение нескольких часов преодолевали пешим ходом шестикилометровый путь от андижанской тюрьмы до здания областного хокимията. В это трудно поверить еще и потому, что в первые часы 13 мая передвижению всех вооруженных групп по улицам города никто не препятствовал. Во фрагменте текста из раздела «Перестрелка у здания УСНБ» вызывает сомнение и намек респондентов ХРВ на то, что действия «нападавших» делятся на два этапа, каждый из которых носил характер «прорыва на площадь Бабура».

Вызывает сомнение и утверждение респондентов, что «вторая перестрелка произошла в тот момент, когда нападавшие проезжали мимо здания УСНБ».

Дело в том, что ни в этом секторе на улице Навои, ни по остальному периметру территории УСНБ боевики никакого прорыва в сторону площади Бабура не совершали и в помине. Обстрел здания и территории УСНБ они начали примерно в 01.50 минут ночи 13 мая. Точнее обстрел начался после того, как к одному из двух КПП (контрольно-пропускной пункт) подъехала автомашина «Тико» белого цвета, из которой боевик бросил гранату в сторону здания.

Ташкент – Андижан – Ташкент, март 2006 года. Специально для «Новостей Узбекистана»

Часть третья

В часы штурма к зданию УСНБ прорвался войсковой БТР с двадцатью бойцами, из которых один был убит и двое ранены. Ближе к рассвету появился второй БТР. Именно тогда большая часть нападавших боевиков не хаотично, а организованно и поэтапно стала покидать боевые позиции на улице Навои, чтобы собраться в секторе у здания областного хокимията и площади Бобура.

Их отход прикрывала вторая группа боевиков, не прекращавшая обстрел не только здания УСНБ, но и всего периметра его территории. Обе группы не на машинах, а «россыпью»

покидали выбранные огневые позиции. Кстати, в вакханалии той ночи у «нападавших и людей, освобожденных из тюрьмы» недостатка в легковых автомашинах не было. Штаб боевиков задолго до 13 мая закупил десять легковых автомашин.

В ту ночь их численность была дополнена автотранспортом, который вооруженные преступники захватывали в разных частях города у жителей Андижана. Одни машины использовали, другие продуманно жгли на улицах. При этом не лишали себя удовольствия помародерствовать. Многим из владельцев частного автотранспорта это стоило жизни.

Несколько легковых автомашин были использованы в качестве «передвижных арсеналов», в которых боевики перевозили боеприпасы к автоматам и пистолетам, в том числе сами автоматы и некоторое число гранат. До начала ночного штурма машины двигались в направлении здания УСНБ на минимальной скорости в окружении тех, кого ХРВ в своем докладе именует «нападавшими и людьми, освобожденными из тюрьмы».

Об этом мне рассказывали те, кто наблюдал за происходящим из окон своих квартир, расположенных в близлежащих домах или непосредственно из окон кабинетов здания УСНБ.

На вопрос о численности «нападавших и людей, освобожденных из тюрьмы», остановившихся у здания Управления, мои собеседники чаще называли две цифры или 250, или 350 человек, обязательно дополняя сказанное словом «примерно».

На вопрос об уровне вооружения толпы, двигавшейся вдоль здания УСНБ за несколько минут до 01.50 часов, большинство собеседников отвечали однозначно – «примерно каждый третий был вооружен автоматом».

Их утверждение при всех погрешностях близко к истине. Но здесь мне не избежать авторского дополнения. Слова моих собеседников вызывали у меня некоторое сомнение. Они не преднамеренно, но занижали уровень вооружения тех, кого видели ночью в свете уличных фонарей.

Позже экспериментальным путем я убедился, что на этой улице на относительно большом расстоянии, освещенном фонарями, можно было разглядеть в руках движущейся группы только автоматы. Но не пистолеты или гранаты.

Тем не менее, общая оценка численности боевиков и уровень их вооружения, высказанная собеседниками через год после событий, относительно близка к информации Генеральной Прокуратуры (брифинг 15 сентября 2005 г.): «Для молниеносного захвата власти в Андижане руководители “штаба” сформировали 20 вооруженных групп в составе от 9 до 22 человек в каждой».

Преднамеренное сокрытие многих подробностей нападения на УСНБ, которое даже по скромным оценкам имеет право квалифицироваться «боевыми действиями в условиях города», – один из элементов стиля изложения, выбранного в частности редакторами двух выше упомянутых международных организаций.

Был ли в целом результативен выбранный стиль? Безусловно. После 13 мая волна дезориентирующей информации некоторых СМИ стала дополняться тенденциозными мнениями ряда прозападных международных организаций и политиков, выстраивающих единую информационную линию, нацеленную на подготовку сознания медиа-аудитории к последующей беспрецедентной по исполнению трансформации боевиков-исламистов в

безвинных «беженцев».

Трансформацию вершило Управление по делам беженцев ООН (УВКБ ООН) силами своих сотрудников, которые, кроме прочих «международников», находились на территории Республики Кыргызстан и действовали под внешним прикрытием авторитетных политиков и дипломатов некоторых западных стран.

Упоминаю об этом вновь, потому что в ходе исполнения корпоративного фарса никто из его участников публично не уточнял – трансформация боевиков в беженцев не стыкуется, как минимум с двумя базовыми основами – «Конвенцией ООН 1951 года» и «Протоколом от 1967 года»:

- выяснения всех фактов, относящихся к данному делу;
- применения к этим фактам нормативов Конвенции и Протокола.

И чего уж говорить об игнорировании десятка других международных норм, в том числе одной из Резолюций Совета безопасности ООН, «требующей от всех стран воздержаться от предоставления любой формы поддержки организаций, причастных к террористической деятельности».

Но вернемся к заинтересованному сокрытию подробностей ночи 13 мая. Не исключаю, что понимание возможности огласки преднамеренной трансформации фактов и искажения их оценок рано или поздно станет достоянием международной общественности, непосредственно ХРВ все же решила смягчить перспективу критики в свой адрес, включив в июньский доклад следующую оговорку:

«Захват административных зданий и заложников, а также использование последних в качестве “живого щита” – это тяжкие преступления, за совершение которых узбекским законодательством предусмотрена уголовная ответственность».

Этот вывод, в котором неслучайно не упомянуты не только захваченные объекты МВД и МО, и тем более штурм УСНБ, ориентирован и на невозможность игнорирования факта, получившего международную огласку – следственные органы Республики получили в свое распоряжение трехчасовую видеозапись, сделанную оператором-акраmistом 12 – 13 мая 2005 года.

Характерно, что ее сюжеты после их квалификации на осенних судебных процессах в Узбекистане были фрагментарно переданы Республикой практически всему дипломатическому корпусу, аккредитованному в Узбекистане. Более того, ранее эти сюжеты фрагментарно демонстрировались и комментировались по каналам Узбекского и Российского телевидения. Сюжеты фигурировали и в качестве комментируемого материала на нескольких международных форумах, проводимых уже в 2006 году. Их содержание вызывало массу вопросов у большинства присутствующих.

И мне трудно исключить, что они же не испытывали неловкости от понимания, что после 13 мая стали жертвами продуманной дезинформации, организованной не только группой журналистов, но и некоторыми международными организациями высокого уровня. В том числе информации, содержащейся в двух упомянутых июньских докладах 2005 года.

Состояние неловкости мне доводилось наблюдать и в ходе моих неформальных диалогов с некоторыми западными оппонентами из числа ученых и политиков. После просмотра

сюжетов видеохроники акраμισов, они, стараясь скрыть смущение, даже не пытались комментировать действия инициаторов вооруженных беспорядков в Андижане. Не говоря уже о том, что более не использовали в их адрес определения «мирные мусульмане».

Были и те, кто уже не считал, что в тот день на андижанской площади имени Бобура могло собраться десять – пятнадцать тысяч человек. И удивлялись, что ХРВ и иже с ней могли включить в доклады, пусть даже со ссылкой на респондентов, именно эту абсурдную цифру.

Зря удивлялись. Политические лицедеи способны и не на такое вдохновение. Но хотят они или нет, по своим техническим характеристикам площадь Бобура на самом деле не вмещает такое количество людей. Эти же лицедеи не уточняют и то, что 13 мая агитаторы-акраμισы столкнулись с массовым нежеланием людей участвовать в иницируемых ими акциях. Тем более оправданным, когда организаторы и контролеры из числа лидеров боевиков с бравадой и эпатажностью не только поигрывали перед мирными гражданами автоматами, пистолетами, ножами и ломиками, но и жгли или грабили не свои, а чужие легковые и грузовые автомашины.

Не говоря уже и о том, что в заложниках, периодически заводимых в здание хокимията вооруженными боевиками, андижанцы узнавали своих знакомых.

Узнавали и опускали глаза. Что чувствовали, когда позже выяснилось, что они были последними, кто видел заложников живыми, – я комментировать не стану.

Видели они и то, как боевики в этой вакханалии утра и дня 13 мая деловито сновали перед своими и чужими видео- и фотокамерами, чувствуя себя в устроенном хаосе героями-победителями, а точнее амирами и имамами. Боевикам нравилось это еще и потому, что на них смотрели те, кого в обществе беззлобно именуют «зеваками». Те, кто воспринимал происходящее как редкое зрелище. Им же днем 13 мая для удержания на площади провокаторы-акраμισы продуманно пообещали встречу с Президентом Республики.

У меня нет сомнения, что после знакомства с содержанием фрагментов из упомянутой видеозаписи в своих кабинетах неловко себя чувствовали и зарубежные военные. Кстати, в многообразии тенденциозных комментариев, посвященных андижанским событиям, мне ни разу не встречались их выводы.

Но этот так, к слову.

Как минимум, многое из видеозаписи акраμισа позволяет понять, почему к дежурному по Управлению Службы национальной безопасности по Андижанской области после 00.10 часов 13 мая стали поступать телефонные сообщения непосредственно от рядовых граждан. Акция продуманно-молчаливого пикетирования судебного процесса, устроенная в Андижане накануне 13 мая родственниками и сторонниками 23 подсудимых «акраμισов», не могла не иметь психологического влияния на общественное спокойствие.

Не исключаю, что эта общая настороженность и беспокойство, присутствующие в те дни в настроении горожан с первых минут ночи 13 мая стала еще одним поводом позвонить в дежурную часть УСНБ.

В ту ночь, 13 мая, звонившие с тревогой в голосе, сообщали дежурному по УСНБ, что подъехавшие на легковых автомашинах вооруженные лица начали захват режимных

объектов МВД и Министерства обороны. Поступающая по телефону информация подтверждалась звуками автоматных очередей, разрывающих тишину ночного города.

Собственно на этом краткий комментарий к событиям, происходящим ночью 13 мая у здания УСНБ, можно бы и завершить. Но меня не оставляет чувство неудовлетворенности за недосказанность о тех, кто оказался в заложниках и чьи гражданские права вряд ли будут защищать международные правозащитные организации.

Кстати надеяться на это не могут и военнослужащие из других стран. В отношении последних, убедительней всего это подтверждают громкие скандалы в 2005 и 2006 гг., инициированные все той же ХРВ по теме «человеколюбия».

Их наиболее яркими «героями» стали военные антитеррористической коалиции и представители западных спецслужб. Те, которые не перестают теряться в догадках, как можно «нежностью и лаской» противостоять адептам международного терроризма, которые во всей палитре транснационального разнообразия единодушно не отзываются на гуманизм правозащитников и вспоминают ХРВ не более чем как о политическом инструменте, помогающем закрепиться в мировом пространстве.

Не думают адепты и о гуманизме к «неверным и всем кто продался им», когда «фаршируют» пояса смертников взрывной смесью, болтами и гайками. Напротив, умиляются, когда ХРВ называет адептов «Аль-Каиды», «Ансар-аль-сунны» и «Исламской армии» Ирака», совершающих похищения и внесудебные казни «группами сопротивления».

Умиляются не беспочвенно и даже с некоторой благодарностью. Во всяком случае, это доказывает цитата из письма нынешнего лидера транснациональной партии «Хизб ут-Тахрир аль-ислами» Ато Абу Рушти, посланного еще в 2003 году «братьям» из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана: «Хизб проводит встречи на разном уровне – с международными активистами по правам человека и политиками».

И чего уж говорить о том, как гордятся исламисты ниже приведенной статистикой американской трагедии сентября 2001 года (официальные данные США на 9/5/02 г.).

- число стран, граждане которых погибли во время атак 115;
- число погибших пожарников и медицинских сотрудников 343;
- число погибших сотрудников компаний, расположенных во Всемирном Торговом Центре 60;
- число сотрудников, погибших в первой Башне 1402;
- число сотрудников, погибших во второй Башне 614;
- соотношение погибших мужчин к женщинам 3:1;
- наибольшее число погибших были в возрасте между 35 и 39;
- приблизительное число детей, потерявших своих родителей 3051.

О парадоксальном отношении правозащитных организаций к людям в погонах, отстаивающим интересы общества в противостоянии реально существующим угрозам радикальных экстремистов, мне пришлось говорить с тем, кто по долгу службы 13 мая, направляясь для оказания помощи держащим многочасовую оборону здания андижанского УСНБ, стал заложником боевиков. Один из вопросов, который он просили меня опубликовать в очерке, уточнив, что не рассчитывает получить ответ, в частности от ХРВ: «Почему международные правозащитные организации не отстаивают гражданские права тех, кто профессионально противостоит террористам или боевикам?».

Его вопрос был мне понятен, как понятна, к примеру, гражданская позиция министра внутренних дел ФРГ О.Шили, выраженная на четвертой Международной конференции «Международное значение терроризма» (11 сентября 2004 г.), состоявшейся в израильском городе Херзлие [Герцлии. – ИРП]. Тогда он не только признал, что в начале XXI века человечество оказалось отброшенным в первобытные времена, благодаря «кроважидным террористам, переступившим через все мыслимые моральные ценности», но и констатировал: «Каждый, кто говорит о террористах как о так называемых “борцах за свободу”, проявляет бессердечие к страданиям и пролитой крови невинных... Терроризм не является “оружием слабых, и угнетенных”. Терроризм – это культ смерти. Именно это связывает жестокие террористические акты в Нью-Йорке, Беслане, Бали, Мадриде, Беершебе. Необходимо бороться с этим злом вместе».

Жаль только, не предвидел министр, что его, да и другие аналогичные пожелания профессионалов в погонах, в обозримом будущем и в частности в Узбекистане после 13 мая будут трансформированы в политическую фишку уже упомянутыми «ястребами демократии»...

Утром 13 мая до улицы Навои бургутовцы (спецгруппа Бургут) добирались разными маршрутами. Одна из машин попала в засаду. Командир группы, понимая, что их начнут расстреливать в упор, приказал подчиненным покинуть машину.

Моему собеседнику не повезло. При высадке был ранен в плечо, руку и правую верхнюю часть тела. И тем не менее он сумел добежать до укрытия и, рухнув на землю, сделать несколько выстрелов по окружавшим его боевикам. Исход неравного боя завершили две пули в спину. С крыши здания хокимията в него стрелял снайпер-боевик.

Дальнейший рассказ собеседника выстраивался на отрывочных эпизодах, которые фиксировала его память в моменты, когда он на миг приходил в сознание. Первый раз понял, что его обыскивают. Второй раз осознал, что боевики его перекатывают с боку на бок ударами ног. И вновь провал в сознании. Голос, который прорезался сквозь туман в сознании, советовал кому-то из боевиков не делать контрольного выстрела в его голову: «Он пригодится живой. Отнесите его в здание хокимията и используйте в качестве живого щита».

Его тащили четыре боевика, проклиная за тяжелый вес. Один из них сокрушался больше всех, проклиная спецназовца за то, что тот убил несколько «братьев» из их группы. А он, урывками слыша эти слова, не понимал, о чем больше жалел боевик – о том, что уничтожены его подельники, или о том, что они не получают свои двадцать тысяч узбекских сумов за каждого убитого или плененного спецназовца. Убегающее сознание успело зафиксировать последние слова одного из боевиков: «Интересно, кто дороже – этот русский, или американцы». И ответ одного из его «собратьев»: «Конечно американцы. В Афганистане за них платят очень хорошо».

А потом была лестница хокимията и несколько журналистов, которые как по команде стояли спиной к входящей в здание процессии. И опять лестница, ведущая на второй этаж здания, залитая кровью тех, кого терзали боевики.

Он очнулся не от стонов тех, кто лежал рядом с ним на полу, как и он захлебываясь в собственной и чужой крови, а от слов двух боевиков, шепотом обсуждающих как транспортировать его по городу в ближайшую больницу. Обсуждали, но не были уверены, что им удастся прорваться сквозь кордоны военных и милиции.

Особенно сокрушался один из них, опасавшийся, что военные поймут, что они хотят сдать раненного спецназовца в больницу, а потом бежать из нее и затеряться в городе. В итоге все же решили – надо попробовать.

В этот день моему собеседнику, спецназовцу, явно везло. На этот раз его спасал страх боевиков. Повезло ему и на улицах города, когда военные не стали задерживать автомашину, в которой боевики везли его в больницу, оставив хирургам те самые важные несколько минут, которые были нужны для спасения его жизни.

В ходе своего рассказа мой собеседник часто замолкал. После очередной паузы произнес: «На втором этаже здания хокимията был старик-заложник – настоящий мужик. Жаль, если его убили».

Найти старика в дни моего пребывания в Андижане не удалось. И откровенно говоря, в ходе беседы со спецназовцем я часто отгонял от себя предположение, что старик ему померещился, что не удивительно для человека, теряющего сознание от полученных ранений.

Может, и не писал бы я об этом, но за несколько часов до отъезда из Андижана мне удалось побеседовать еще с одним заложником, оказавшимся в здании хокимията 13 мая.

На мой вопрос – не видел ли он среди заложников старика, – коротко ответил мне: «Да». И через долгую паузу добавил: «Меня держали в отдельном кабинете на третьем этаже. Но я помню, когда меня вели через холл второго этажа, я видел какого-то старика. Под дулами автоматов и окрики боевиков он рвал на полосы оконный тюлевый занавес и перевязывал раненых заложников».

Больше ничего о старике он рассказать не мог. Зато поведал мне то, как оказался в заложниках и чудом остался в живых.

Ночью он проснулся от звуков автоматных выстрелов. Его первым предположением было – в городе идут учения. Но это предположение мгновенно растаяло – его, руководителя одного из подразделений андижанского телевидения, о таком событии, как войсковые учения, обязательно поставили бы в известность. Да и какие учения среди ночи в городе, жители которого никогда ничего громче раскатов грома не слышали. Ничего вразумительного не мог сказать и охранник здания, куда он приехал ночью. Примерно в семь часов утра 13 мая к нему в кабинет вошли вооруженные автоматами люди и настойчиво попросили проехать с ними к зданию областного хокимията. Человек, далекий от армии, он всю дорогу думал, что сопровождавшие его люди, переодетые в гражданскую одежду силовики.

Понял, что ошибся, когда подымался по лестнице и на втором этаже увидел заложников, лежавших на полу холла.

Его ввели в один из кабинетов третьего этажа. Вооруженный мужчина, представившийся Бахромом, потребовал от него вызвать из дома телеоператора с оборудованием для организации съемки и журналиста, который должен был комментировать то, что ему прикажут в режиме прямого эфира, в том числе пресс-конференцию.

Он отказался. Мотивировал тем, что не знает, с кем говорит, и в целом не собирается делать то, что от него требуют, не согласовав требуемое с теми, кто на государственном уровне руководит радио и телевидением Республики.

Его не били за отказ. Только убеждали, не отводя стволы оружия от груди. А он вновь и вновь отвечал боевикам, что не будет совершать ничего противозаконного. И на их угрозы уничтожить его здесь же, задавал наивный для той ситуации вопрос – «Какое вы имеете право убить меня?».

Рассказывая об этом, мой собеседник улыбался. Точнее, мне казалось, что он улыбается. Чуть позже понял – он относится к категории людей, чьи черты лица даже в самых отчаянных ситуациях, отражают добродушие, подчеркнутое мягкой улыбкой губ. И только его глаза в нашей непростой беседе выдавали то глубокое потрясение, которое он пережил, оказавшись 13 мая 2005 года в плену у боевиков.

И мне бы очень хотелось верить, что благодаря этому дару природы, позволяющему ему выглядеть добродушно улыбчивым, его и не расстреляли сразу. Не получалось. В сложившейся для боевиков ситуации все было более чем прозаично. Он был нужен им как дополнительная единица в «живом щите».

Примерно в 18.00 часов того же дня его вывели из комнаты и, примкнув к группе связанных между собой заложников, стали выводить из здания. У выхода из парковой территории хокимията заложников построили рядами по четыре-пять человек в колонну. Он попал в последний ряд, по команде поднял руки к голове и судорожно сомкнул пальцы на затылке. Показывая, как это выглядело, добавил: «Мне повезло, мои руки и шея не были связаны шнурами от компьютеров. Многие из заложников задыхались. Шнуры сильно перетягивали их шеи. От многих пахло бензином. Боевики обливали некоторых заложников, угрожая им, что если кто вздумает бежать, их поймают и сожгут заживо».

Сразу за оградой парковой решетки колонна заложников попала в окружение экзальтированной толпы. Их было немного, не более сотни. Мужчины, женщины и подростки, осыпавшие ударами тех, кто шел, с трудом передвигая ноги, под тычками дул автоматов боевиков.

А потом заложников погнали, и они обреченно шли, не нарушая ряды, так как каждый был привязан друг к другу. Тех, кто падал в бессилии от ран и побоев, боевики застреливали. Как спасся в этой ситуации мой собеседник – это отдельная история.